

Александр Восьмой

Роман 15. «Сто девяностый этаж признание»

18+

Александр Восьмой

**Роман 15. «Сто девяностый
этаж признание»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Роман 15. «Сто девяностый этаж признание» / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Оптимка открывает последний этаж. Там — не выход и не смотровая площадка. Там — комната, в которой воссоздан тот самый лекционный зал. Те же парты. Тот же маркер. Тот же журнал с красной точкой напротив его фамилии. Он садится за свою парту и говорит: «Я похитил вас не из любви. Я похитил вас, потому что вы — единственный человек, который видел меня. Теперь моя очередь.» И он рассказывает. Всё. Почему он не шутил. Почему десять лет. Почему двести этажей — по одному на каждую лекцию, которую она прочитала за свою жизнь. Это книга откровения, где двое взрослых людей впервые говорят без защиты — и где Наталия, нарушив все свои правила, садится рядом с ним за одну парту.

Александр Восьмой

Роман 15. «Сто девяностый этаж признание»

Глава 1. Ключ от двухсотого этажа

Двести лестниц — не путь, а исповедь. Каждая ступень отзывалась в груди Наталии глухим эхом, будто сама Цитадель шептала: «Ты уже не вернёшься прежней». Площадки становились всё темнее, и с каждым пролётом воздух густел, словно ночь просачивалась сквозь камень. На сто девяносто девятом этаже колени дрогнули, а в горле встал ком — ей показалось, что дальше идти некуда, что тьма просто поглотит её, как поглощала всё, что смело тянуться к свету.

На двухсотом этаже Оптима остановился. Здесь не было ни позолоченных дверей, ни витражей — только тяжёлое дерево, исчерченное временем, и замок, который будто ждал этого ключа целую вечность. Он достал его из внутреннего кармана — холодный, тяжёлый, с узором, напоминавшим переплетение корней. Щёлкнул механизм, и дверь приоткрылась, выпустив наружу не свет, а тишину — такую плотную, что в ней можно было утонуть.

— Здесь начинается книга, — тихо произнёс Оптима, и в его голосе не было ни торжества, ни угрозы — только странная, почти болезненная надежда.

Наталия шагнула внутрь и замерла. Комната была точной копией лекционного зала, где она столько лет стояла у доски, где выводила формулы и пыталась заставить чужие умы загореться любопытством. Те же парты, скошенные от времени, те же царапины на столешницах, будто кто-то в отчаянии чертил на них линии, пытаясь удержать ускользающие мысли. На кафедре — маркер, высохший на кончике, но всё ещё узнаваемый. В углу — журнал, раскрытый на странице, где красной точкой была отмечена фамилия Оптима.

Он не стал ничего объяснять. Просто сел за свою старую парту — туда, где всегда сидел в последнем ряду, чуть в стороне от всех, будто заранее готовился к одиночеству. И когда поднял на неё глаза, в них не было ни вызова, ни игры — только усталость, которая копилась годами.

— Я похитил вас не из любви, — сказал он, и каждое слово прозвучало как признание, от которого невозможно спрятаться. — Я похитил вас, потому что вы — единственный человек, который видел меня. Не форму, не фамилию в журнале, не строчку в списке. Вас видели только цифры и оценки, а вы смотрели прямо на меня. И я не знал, что с этим делать.

Наталия хотела возразить, хотела сказать, что это безумие, что так не бывает, что нельзя строить целые миры на одном взгляде. Но слова застряли где-то между сердцем и горлом. Потому что вдруг поняла: все эти двести этажей — не тюрьма. Это стопка лекций, аккуратно сложенных друг на друга, по одной на каждую, что она когда-либо читала. Двести этажей — двести попыток быть услышанным.

Она медленно подошла и села рядом, на соседнюю парту, нарушая все свои правила, все границы, которые столько лет выстраивала, чтобы никто не смог подойти слишком близко. И в этой тишине, среди пыли и воспоминаний, впервые за долгое время почувствовала: здесь не нужно быть сильной. Здесь можно просто слушать.

— Теперь моя очередь, — прошептал Оптима, и его голос дрогнул, как у человека, который слишком долго молчал. — Теперь я расскажу всё. Почему я не шутил. Почему прятался в последнем ряду. Почему эти десять лет показались вечностью. И почему я построил эту Цитадель — чтобы однажды вы сели рядом и позволили мне наконец-то заговорить.

И он начал. Не с красивых слов, не с обещаний, а с самого простого: с того, как в первый день она вошла в аудиторию и улыбнулась кому-то в другом конце зала, а ему показалось, что эта улыбка предназначалась ему. С этого всё и началось. А Наталия слушала, и с каждой

фразой мир за пределами комнаты становился всё тише, пока не остался только этот зал, эти парты и человек напротив, который наконец-то позволил себе быть увиденным.

Глава 2. Лекционный зал, которого не должно существовать

Дверь поддалась с тихим, почти виноватым скрипом — будто сама комната не хотела выдавать свою тайну. Наталия застыла на пороге, и время будто споткнулось: воздух здесь был другим — густым, настоящим на старых чернилах, меле и тишине, которая помнила сотни чужих шепотов. В трёх рядах парт не хватало только студентов — но казалось, что они только что вышли, оставив на столах раскрытые тетради и недописанные фразы.

Доска пожелтела от времени, но на ней всё ещё виднелись едва заметные следы мела — будто кто-то каждый день выводил и стирал одну и ту же формулу, так и не решаясь её завершить. Маркер лежал на кафедре, будто его только что отложили, чтобы собраться с мыслями. А в углу, на низком столике, — журнал. Тот самый. С красной точкой напротив фамилии Оптима.

Наталия сделала шаг внутрь — и паркет отозвался глухим звуком, как будто подтверждал: да, ты здесь, это не сон. Она коснулась спинки ближайшей парты — дерево было тёплым, почти живым, словно комната хранила тепло всех тех дней, когда зал был полон. И вдруг поняла: это не просто копия. Это память, собранная по крупинкам. Каждая царапина, каждый скол — как строчка в дневнике, который никто не должен был прочесть.

Оптима стоял у окна, хотя окон здесь быть не должно было: двести этажей под землёй не знают неба. Но за стеклом медленно плыли облака — серые, тяжёлые, будто несли на себе груз всех невысказанных слов. Он не смотрел на неё, будто боялся спугнуть момент.

— Вы думаете, я строил эту Цитадель ради величия? — тихо спросил он, не оборачиваясь. — Ради того, чтобы спрятать вас от мира? Нет. Я строил её, чтобы мир не спрятал вас от меня. Чтобы однажды, когда вы устанете быть для всех «строгой, справедливой, безупречной», вы смогли просто сесть рядом и услышать, как кто-то говорит о вас — не как о преподавателе, не как о фамилии в журнале, а как о человеке.

Он наконец повернулся, и в его взгляде было столько ожидания, что у Наталии сжалось сердце.

— Я не шутил, потому что боялся, что вы подумаете, будто я несерьёзный. Не спорил, потому что боялся, что вы решите, будто я бунтарь. Сидел в последнем ряду, потому что оттуда лучше было видно, как вы улыбаетесь, когда кто-то наконец понимает. И я считал эти лекции. Каждую. Двести — по одной на каждую, что вы провели. По одной на каждый раз, когда я думал: «Если бы она посмотрела чуть левее, она бы увидела меня».

Наталия хотела сказать что-то резкое, привычное — о границах, о правилах, о том, что так нельзя. Но слова рассыпались, не долетев до языка. Вместо этого она медленно подошла к парте, за которой он всегда сидел, и села рядом — не напротив, не через проход, а бок о бок, как садятся те, кто готов слушать.

— Расскажите, — прошептала она, и голос прозвучал непривычно мягко, будто она сняла с себя тяжёлую броню. — Расскажите всё. Даже то, что стыдно. Даже то, что кажется нелепым. Я не буду судить. Сегодня я просто... здесь.

Оптима чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к этим словам, как к чему-то редкому и хрупкому. Потом взял маркер, подошёл к доске и вместо формулы вывел одну фразу — неровно, будто рука впервые делала это не по обязанности, а по желанию:

«Я был здесь. И вы меня видели».

И начал говорить. О том, как в первый день он пришёл на лекцию, опоздал, сел в последний ряд и замер, потому что вы, Наталия, не стали его ругать — просто кивнули, будто признавая его право быть здесь. О том, как потом он специально садился туда же, чтобы видеть, как свет из окна ложится на ваши волосы, как вы хмуритесь, когда кто-то ошибается, и как

потом улыбаются, когда ошибка вдруг становится открытием. О том, как эти двести этажей выросли не из камня, а из этих крошечных, незаметных мгновений — и как каждый из них был нужен, чтобы однажды привести вас сюда, в эту комнату, где время остановилось, чтобы дать им голос.

А Наталия слушала, и с каждым словом комната становилась чуть светлее, будто старые тени уступали место чему-то новому — не оправданию, не прощению, а простому признанию: да, я тебя видела. И да, это имело значение.

Глава 3. «Я похитил вас не из любви»

Он сел за свою парту — третья парта, второй ряд, крайняя слева. Та самая, где он просиживал все лекции, будто приклеившись к месту, чтобы не пропустить ни единого её жеста. Положил ладони на поцарапанную столешницу — ровно, без суеты, словно возвращал себе право быть здесь. И, не поднимая глаз сразу, будто собираясь с силами, произнёс первую правду за десять лет:

— Я похитил вас не из любви. Я похитил вас, потому что вы — единственный человек, который видел меня. Теперь моя очередь.

Наталия не села. Пока не села. Она стояла у порога, будто между ней и комнатой пролегла невидимая граница, переступить которую означало сдаться не перед силой, а перед чужой болью — а к этому она не была готова. Пальцы сжимали край двери, костяшки побелели. В груди билось что-то острое и упрямое — протест, привычка держать дистанцию, страх перед тем, как легко можно потерять контроль над собой.

Но комната не требовала подчинения. Она просто была — тихая, пыльная, настоящая. На доске всё ещё виднелся след от старой формулы, полустёртый, будто кто-то много раз пытался её исправить, но так и не решился стереть до конца. Журнал лежал на столе, и красная точка напротив фамилии Оптима казалась крошечным маяком в темноте.

Оптиме наконец посмотрел на неё. Не с вызовом, не с мольбой — с той особенной усталостью человека, который слишком долго носил одну и ту же тайну и теперь боялся, что, выпустив её, станет совсем пустым.

— Вы всегда начинали лекцию одинаково, — тихо сказал он, будто пробуя слова на вкус. — Делали паузу. Смотрели на аудиторию — не по списку, не для галочки, а будто пытались увидеть каждого. И когда ваши глаза доходили до последнего ряда, до меня... я каждый раз думал: сейчас вы скажете: «А вы, молодой человек, почему молчите?» Или просто улыбнётесь — как тем, кто старается. Но вы никогда не выделяли меня. Вы просто... замечали. И этого хватило, чтобы я перестал быть тенью в собственном мире.

Наталия хотела возразить. Хотела сказать, что она никого не выделяла, что это её работа — видеть аудиторию целиком, а не отдельных студентов. Что нельзя строить судьбы на случайных взглядах. Но слова застряли где-то в горле, потому что вдруг поняла: он не ждал от неё оправданий. Он ждал, чтобы она просто услышала, как много значит то, что для неё было рутиной.

— Десять лет, — продолжал он, и голос его чуть дрогнул, будто сам удивляясь, что произносит это вслух. — Десять лет я собирал эти этажи. По одному на каждую вашу лекцию. Не ради того, чтобы спрятать вас. А ради того, чтобы однажды привести вас сюда — туда, где никто не будет смотреть поверх вас, где не нужно быть идеальной и строгой. Где можно просто сесть и сказать: «Я был здесь. И вы меня видели».

Он чуть подвинул соседнюю парту, освобождая место — не настойчиво, а осторожно, как оставляют приоткрытой дверь, чтобы человек мог сам решить, войти или нет.

— Сядьте, — попросил он, и в этом «сядьте» не было приказа. Только тихая надежда. — Не потому, что я этого хочу. А потому, что мне страшно начинать без вас. Я столько лет слушал вас — дайте мне теперь право быть услышанным.

Наталия медленно выпустила дверную ручку. Пальцы разжались, и напряжение, стягивавшее плечи, чуть отступило. Она сделала шаг. Потом ещё один. И села — не напротив, не через проход, а рядом. Так садятся те, кто готов не спорить, а слушать.

— Говорите, — прошептала она, и голос прозвучал непривычно мягко, будто вместе с правилами она сняла и броню. — Я здесь. Я вижу вас. Рассказывайте всё. Даже то, что кажется мелочью. Даже то, о чём стыдно вспоминать.

И он заговорил. О том, как в первый день он опоздал, ворвался в аудиторию, красный от стыда, и замер, увидев её спокойное лицо — без раздражения, без осуждения, просто с лёгкой усталостью человека, который привык к опозданиям. О том, как потом специально сажился в последний ряд, чтобы видеть, как свет из окна ложится на её волосы, как она хмурится, когда кто-то ошибается, и как потом улыбается, когда ошибка вдруг становится открытием. О том, как эти двести этажей выросли не из камня, а из этих крошечных, незаметных мгновений — и как каждый из них был нужен, чтобы однажды привести её сюда, в эту комнату, где время остановилось, чтобы дать им голос.

А Наталия слушала. И с каждым словом комната становилась чуть светлее, будто старые тени уступали место чему-то новому — не оправданию, не прощению, а простому признанию: да, я тебя видела. И да, это имело значение.

Глава 4. Почему он не шутил

Он говорил, и слова лились не потоком, а осторожно, будто каждое стоило ему отдельного усилия — как будто он боялся, что, если скажет слишком быстро, она не успеет поверить, что это правда.

— Та первая лекция... — начал он, глядя не на Наталию, а на доску, словно там, в старых меловых разводах, прятались нужные фразы. — Я тогда пытался быть как все. Старался казаться лёгким, весёлым, тем парнем, который всегда шутит, чтобы никто не заметил, что ему неудобно. И когда я сказал что-то смешное — не особенно остроумное, просто вовремя — весь ряд расхохотался. Я даже почувствовал себя на секунду нормальным. А потом вы остановились. Не на шутке. На мне. Посмотрели так, будто заглянули под эту весёлую оболочку, и сказали: «Это смешно. Но вы грустнее, чем хотите показать».

Оптимист запнулся, будто снова оказался в том зале, под этим взглядом — и снова не знал, что ответить.

— Я не ответил. Просто встал и ушёл. Не из гордости, не из обиды — мне стало страшно. Страшно от того, что кто-то увидел меня настоящего, а я не был готов с этим встретиться. И я запомнил это навсегда. Ваши слова крутились в голове, как заезженная пластинка: «Вы грустнее...» И каждый раз, когда хотелось пошутить, я вспоминал их и замолкал. Потому что боялся, что вы снова это увидите. Что вы снова скажете правду, которую я не хотел слышать.

Наталия сидела рядом, не перебивая, не пытаясь сгладить неловкость дежурным «всё в порядке». Она просто слушала — и в этой тишине было больше участия, чем в любых утешениях.

— Вот почему я потом не шутил, — продолжил он чуть тише. — Не потому, что не умел. А потому, что боялся быть увиденным. Боялся, что если вы снова заметите эту грусть, то поймёте, что за ней нет ничего, кроме пустоты. И тогда вы перестанете смотреть.

Он провёл пальцем по царапине на столешнице, будто выводил невидимую линию от прошлого к настоящему.

— А потом я начал считать ваши лекции. Не специально. Просто они становились точками, которые удерживали меня на плаву. Каждая — как маяк. Вы говорили о формулах, о логике, о том, как всё устроено, а для меня это звучало как: «Есть порядок. Есть смысл. Можно держаться». И когда их набралось двести — по одной на каждую лекцию, которую вы прочитали в моей жизни, — я понял, что должен сделать что-то, что будет достойно этого. Не бла-

годарность в конверте, не цветы, не дежурное «спасибо». Что-то настоящее. И я построил эту Цитадель. Двести этажей — не тюрьма, а памятник тем мгновениям, когда вы меня замечали.

Он наконец поднял глаза, и в них была не мольба, а просьба о понимании:

— Простите, что так. Что я выбрал странный способ сказать самое важное. Но я не знал другого.

Наталия медленно наклонила голову, будто примеряя эти слова, позволяя им занять место в себе. Потом тихо, но твёрдо сказала:

— Вы не обязаны извиняться за то, что искали способ быть услышанным. И за то, что боялись — тоже. Страх делает нас осторожными, а иногда — изобретательными. Вы построили двести этажей, чтобы однажды сесть и сказать правду. Это... впечатляет.

Она чуть подвинулась ближе, не вторгаясь в его пространство, но давая понять, что она здесь, что она не собирается отворачиваться.

— Расскажите дальше, — попросила она мягко. — Про тот день, когда вы не ушли. Про тот день, когда впервые позволили себе просто остаться и слушать. Я хочу знать, как из той грусти начало прорасти что-то другое.

И он продолжил. Уже чуть спокойнее, будто с каждым словом сбрасывал с плеч тяжёлый груз. Рассказывал про день, когда вместо того, чтобы сбежать, он остался. Про то, как вы, Наталия, не стали его высмеивать за молчание, а однажды, проходя мимо, тихо сказали: «Если когда-нибудь захочется просто посидеть и подумать — это тоже нормально». И как эти слова стали для него разрешением не быть весёлым, не быть идеальным, а просто быть.

А комната слушала вместе с Наталией. Парты, доска, журнал с красной точкой — всё будто кивало: да, это было. И да, это имело значение. И теперь, когда слова наконец нашли дорогу друг к другу, тишина в зале стала не тяжёлой, а тёплой — как тишина после долгого дождя, когда всё вокруг становится чище и яснее.

Глава 5. Десять лет как один этаж

Тишина в лекционном зале была не мёртвой — она дышала. В ней слышались отголоски сотен лекций, будто стены хранили эхо каждого произнесённого Наталией слова. Оптима говорил, и голос его становился ровнее, будто сам рассказ снимал с него тяжесть, которую он носил годами.

— Каждый год молчания — этаж, — произнёс он, глядя на свои руки, лежащие на столешнице. — Каждый этаж — лекция, которую вы прочитали без меня. Не потому, что я не хотел быть в зале. А потому, что мне казалось: если я снова сяду на своё место, вы увидите, что ничего не изменилось — я всё так же не знаю, что сказать, всё так же боюсь ошибиться, всё так же прячусь за тишиной. И тогда вы перестанете меня замечать. А я не мог этого вынести.

Он чуть наклонил голову, словно прислушиваясь к собственному прошлому.

— Поэтому я слушал иначе. Из-за стены. Из-за двери. Из узкой щели в переходе, где акустика странным образом собирала голос в одну чёткую линию. Я знал расписание лучше деканата: вторник, 10:00, аудитория 214; четверг, 14:30, большой зал; пятница — семинар, который вы всегда начинали с одной и той же фразы: «Давайте попробуем не искать правильный ответ, а понять, какой вопрос мы боимся задать». Я запоминал эти фразы. Повторял их про себя, как заклинания. Они помогали мне держаться.

Наталия не шевелилась. Она смотрела не на него, а чуть мимо — туда, где в полумраке зала тени ложились на ряды парт, будто повторяя очертания тех дней, когда эти места были заняты.

— Двести лекций, — продолжал Оптима. — Двести этажей. Башня росла вверх, потому что я не мог расти внутрь. Я не умел превращать эту тишину в слова, поэтому превращал её в камень. Каждый этаж — как признание, которое я не мог произнести. Как попытка сказать: «Я здесь. Я слышу вас. Вы важны».

Он поднял глаза, и в них не было ни вызова, ни отчаяния — только спокойная, выстраданная честность.

— Я строил эту Цитадель не для того, чтобы удержать вас. А чтобы однажды привести сюда — туда, где все эти этажи становятся не стенами, а страницами. Где молчание наконец может обернуться речью. И вот мы здесь. И я говорю.

Наталия медленно выдохнула, будто только сейчас позволила себе поверить, что эти слова — не сон, не игра, не очередная ловушка её воображения.

— Вы знали моё расписание, — тихо повторила она, и в голосе её прозвучало не осуждение, а изумление. — Вы слушали меня... из-за стены.

— Да, — просто ответил он. — Потому что в те моменты, когда вы говорили, мир становился чуть менее шумным. Вы не обещали чудес, не обещали, что всё станет легко. Вы просто показывали, как устроен порядок вещей — и этого хватало, чтобы я мог сделать ещё один шаг. Даже если этот шаг был только в мыслях.

Она чуть наклонила голову, будто примеряла эту правду, позволяя ей занять место в себе. Потом тихо, но твёрдо сказала:

— Знаете, я всегда думала, что главное — донести материал. Что если студенты слушают, делают заметки, сдают экзамены — значит, я справилась. Но я никогда не задумывалась, что для кого-то мои слова могли быть не просто формулами, а опорой. Что кто-то стоял за дверью и держался за них, как за перила на тёмной лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.